

Загадка Демидовского «везения»

Широко известно, какую роль в судьбе тульского оружейника Никиты Демидова сыграло знакомство с Петром Великим. Об этом существует множество легенд. Причем мастер в них выглядит по-разному: то смелым и независимым, то совершенно неуверенным в себе, панически боящимся царского гнева.

Авторы в основном черпали сведения из книги краеведа И. Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии» (1850), только перекраивали сюжеты в зависимости от политического курса своего времени.

Вот как выглядит Никита по версии учителя гимназии П. Малицкого («Тула, исторический очерк города», 1903):

«В 1696 году Государь, проезжая через Тулу, вызвал к себе тульских кузнецов и предложил им приготовить алебарды по привезенному им образцу. В числе этих кузнецов был и Демидов. Высокий рост Демидова и его стройный стан обратили внимание Государя, «Этот молодец, сказал Государь, годится и в Преображенский полк». Но этот комплимент смутил Демидова. Думая, что Государь распорядился взять его в солдаты, он бросился к ногам царя и умолял его, ради престарелой матери, не делать этого. Государь шутливо ответил ему: «Тебя не возьмут в солдаты, если сделаешь мне триста алебард по этому образцу». Демидов так превосходно исполнил этот заказ, что Петр заплатил за него Тройную цену, подарил Демидову кусок немецкого сукна на платье и серебряный ковш и обещал посетить его. Действительно, в том же году Государь лично побывал у него в гостях на домашней фабрике, принял от него угощение и побранил его за то, что вздумал угощать его дорогим Рейнским вином: «Неприлично, сказал ему Государь, тебе, Демидов, держать такое дорогое вино, подай-ка лучшего нашего русского простяка». Но при этом оценил ум его и позволил ему при впадении Тулицы в Упу построить свой оружейный завод.

Никита у П. Малицкого эдакий здоровый, работающий, но трусоватый малый, а царь — добрый и щедрый барин. Стараясь угодить власть имущим, автор очерка беззастенчиво исказил афремовский текст. У И. Афремова царь шутя бранит Демидова за дорогое вино, на что тот отвечает: «Я сроду не пью никакого, а достал французское вино, собственно, для тебя».

Согласитесь, существенная разница.

По И. Афремову, Никита — не мот, не алкаш, а хлебосольный хозяин, вынужденный пойти на огромные расходы ради высокого гостя. Ну и хитрец, конечно, прекрасно понимающий, что сам факт посещения его царем покрывает все издержки.

Совсем иначе пересказал афремовский текст о первой встрече Демидова с царем В. Ашурков («Страницы тульской старины», 1988):

«Возвращаясь из Азова, царь был проездом в Туле и дал Никите Демидову, как лучшему мастеру, починить свой сломанный пистолет иностранной работы. Но он был совершенно испорчен, и Никита, страшась царского гнева, сделал по образцу его новый. Петр, не подозревая этого, осмотрел пистолет и стал хвалить иноземную работу. Это задело за живое тульского кузнеца, который смело заявил царю, что и туляки не уступят в мастерстве иностранцам. «Сделай, а потом хвались!» — гневно крикнул царь, ударив Никиту. «Узнай, а потом дерись!» — смело ответил кузнец и показал клеймо на пистолете. Искусный и смелый мастер понравился царю. Он получил большой казенный заказ, царь побывал у него в доме и даже работал в кузнице».

По В. Ашуркову, Никита выглядит уже хорошо знающим себе цену, независимым мастером, на равных разговаривающим с самим Петром Великим.

Подобные легенды со временем стали восприниматься как быль. И экскурсоводы, показывая гостям Тулы памятник Петру I возле оружейного завода, на полном серьезе излагали афремовскую историю знакомства царя с Никитой Демидовым, с которого началась возвышение Демидовского рода.

Но интересно, как и где пересеклись пути царя и простого кузнеца на самом деле? И почему выбор пал именно на Никиту? Были же наверняка и другие, не менее искусные мастеровые люди с практическим умом и способностями.

Общепринятые краеведами дата и место встречи — Тула, 1696 год, хотя нет ни одного документа Петра I, подтверждающего его пребывание в нашем городе.

В. Ашурков в книге «Страницы тульской старины» (1988) предполагает, что Никита стал известен царю еще в 1691 году как поставщик оружия и выборный староста, приезжавший в Москву.

По одной из грамот 1691 года, Никита Демидов вместе с Исаем Мосоловыми и Никитой Ореховым действительно «был на Москве», но приезжал он не как староста, а просто как выборный от тульских кузнецов для защиты их интересов в земельном споре. Старостой же был Никифор Орехов. И никакого оружия они с собой не привозили, так как не успели еще выполнить срочный царский заказ.

Однако именно поездка в Москву в 1691 году открыла Демидову дорогу к успеху. Как, кстати, и Мосолову, который тоже стал впоследствии крупным заводчиком.

А уж если быть более точным, на царя их «вывел» тот, кто отстаивал свое право на землю в Кузнецкой слободе — М. А. Арсеньев.

Обратимся к фактам, мимо которых почему-то прошли исследователи.

11 февраля 1691 года стольник Михаил Афанасьевич Арсеньев «бил челом» Великим Государям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Он просил пожаловать ему «на Туле в Кузнецкой слободе площади», на которых «торговали угольем и простреливали казенное ружье».

Даже сама по себе эта челобитная, хоть и выдержана она в обычном для того времени холопско-уничижительном стиле, говорит о нахальстве челобитчика. Ведь ему хорошо было известно, что еще со времен царя Алексея Михайловича власти, заинтересованные в успешной выделке оружия, отстаивали интересы оружейников, беспощадно выселяя посадских из слободы. А. М. Арсеньев к тому же не мог доказать законность своих притязаний на занятую им площадь, так как в 1690 году «в деревне его учинилось Божиим изволением пожарное дело и та данная (грамота) у него сгорела, а в писцовых дворовых книгах за Михаилом Афанасьевым, сыном Арсентевым, двора и дворового места не написано».

Решение напрашивается единственное — выгнать истца с территории оружейников. Не тут-то было! Дело затягивается, несмотря на очевидность.

16 марта 1691 года в стольный град вынуждены отправиться выборные представители тульских оружейников — староста Никифор Орехов с кузнецами Исаем Мосоловым и Никитой Демидовым. Они «приехали бить челом Великим Государям на Михаила Арсеньева об очистке торговой площади, которую загородил он, Михайло, себе во двор и завладел без крепостей». Представители тульских оружейников в своей жалобе напоминают и про важность задания, которое им поручено: «велено 2000 пицалей делать наспех». Короче, претензии обоснованны и неопровержимы. Но... разбор, казалось бы, очевидного по всем статьям дела откладывается до сентября следующего 1692 года (исчисление лет шло тогда с сентября).

Загадка? Да, но вполне объяснимая, если хотя бы поверхностно познакомиться с истцом и его семейством.

Отец Михаила Арсеньева — Афанасий Федорович — близкий к царскому двору человек, известный воевода в Данкове и Алексине. Сын Андрей ко времени подачи челобитной — в свите жены Петра I Евдокии Федоровны Лопухиной, только-только подарившей царю наследника Алексея.

В Московском Кремле и дочери истца — Варвара, Дарья и Ксения. Они — комнатные боярышни любимой сестры Петра — Натальи Алексеевны.

При таких связях и чувствовал себя поэтому столь уверенно М. А. Арсеньев, бросая вызов всей Кузнецкой слободе.

Поэтому наверняка в спор был замешан сам царь Петр. Тогда он и познакомился с кузнецами Мосоловым, Демидовым и старостой Ореховым. Тогда и запомнил их.

Чем закончилась тяжба? По-видимому, было найдено компромиссное решение.

М. А. Арсеньева не обидели, он жил, умер и был похоронен в Кузнецкой слободе, возле деревянной церкви Святого великомученика Георгия.

Дочь его — Дарья Михайловна, стала женой светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. Сын Василий — тайным советником и кавалером ордена Святого Александра Невского. Внучка Маша была обручена с императором Петром II. Но это уже другая история.

Начал восхождение к славе и богатству и Никита Демидович Демидов. От кузнеца — до крупнейшего российского промышленника, основателя горнозаводского дела на Урале. Петр Великий грамотой 11 февраля 1709 года пожаловал его в комиссары, 21 сентября 1720 года возвел в личное дворянское достоинство, в 1722 году дал ему свой портрет.

Умер Никита Демидович в 1725 году, пережив своего великого покровителя лишь на несколько месяцев.

Константин ШЕСТАКОВ.